

На правах рукописи

Вяткина Ирина Анатольевна

**ДИГЛОССИЯ РУССКИХ МАРГИНАЛЬНЫХ ЖАНРОВ
(ДОМАШНЯЯ ПОЭЗИЯ И ЭПИСТОЛЯРИЙ В.А. ЖУКОВСКОГО)**

Специальность 10. 01. 01. – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор Ольга Борисовна Лебедева

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Ольга Бодовна Кафанова

кандидат филологических наук
Анна Васильевна Мансурова

Ведущая организация

ГОУ ВПО «Новосибирский государственный
университет»

Защита состоится «06» марта 2007 г. в ___ ч. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «30» января 2007 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное сочинение посвящено изучению французско-русской диглоссии маргинальных жанров русской словесности первой трети XIX века на материале домашней поэзии и эпистолярия В.А. Жуковского, с привлечением к исследованию французских текстов А.А. Плещеева, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова в качестве репрезентативного сравнительного материала.

Особый интерес современного отечественного литературоведения к проблемам межкультурной коммуникации и рецепции зарубежных литератур русскими писателями способствует актуализации исследовательского внимания к роли французского языка и французской культуры для развития русского литературного языка и словесности начала XIX века. Очевидно, что двуязычие русской культуры первой трети XIX века не могло не попасть в поле зрения ученых. Наиболее часто их внимание привлекал французский язык поэзии и писем А.С. Пушкина (труды М.П. Алексеева, Ю.И. Ороховацкого, Е.Е. Дмитриевой (Майминой), Л.П. Гроссмана, Я.Л. Левкович, Ю.М. Лотмана, У.М. Тодда III, Л.С. Сержана, Ю.В. Ванникова, Е.А. Пелих, В.Н. Турбина). Однако французские тексты других поэтов пушкинской эпохи зачастую остаются за рамками исследовательских приоритетов.

В предлагаемой диссертации делается попытка рассмотреть комплекс французско-русских текстов В.А. Жуковского как своего рода эталонную модель русско-французской диглоссии этой литературной эпохи. В качестве репрезентативных фигур литературного процесса на его бытовом и бытийном уровнях, письменное наследие которых позволяет отследить динамику заложенной Жуковским традиции диглоссии русских маргинальных жанров, избраны типичный представитель дилетантской домашней поэзии А.А. Плещеев, писавший преимущественно на французском языке, а также ближайшие современники и наследники высокой профессиональной поэтической традиции Жуковского – А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов,

франкоязычные тексты которых обнаруживают пути и способы адаптации устной французской речи русской литературно-письменной языковой нормой.

Французско-русские тексты В.А. Жуковского, относящиеся к маргинальной сфере литературы, его домашняя поэзия и письма – наиболее наглядное проявление диглоссии русской словесности рассматриваемого периода – осмыслены как лаборатория жанрово-стилевых литературных исканий, свидетельство тщательной работы над формированием собственного поэтического стиля и стилевой нормы поэтического и прозаического литературного языка.

Таким образом, **объектом** диссертационного исследования стали русские и французские тексты В.А. Жуковского, А.А. Плещеева, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова; **предметом** же – русско-французская диглоссия как механизм становления образно-лексической и стилевой нормы русского литературного языка, прямо связанной с процессом жанрообразования.

Актуальность диссертации обусловлена современными тенденциями филологической науки: рассмотрением околотитературных текстов как неотъемлемой части всего литературного процесса, актуализацией компаративистской и переводоведческой проблематики в отечественном литературоведении и возросшей интенсивностью изучения межлитературных контактов и межъязыковых взаимодействий русской литературы нового времени.

Научная новизна работы определяется прежде всего тем, что к исследованию в диссертационном сочинении привлечено большое количество архивных текстов В.А. Жуковского и А.А. Плещеева, впервые введенных в научный оборот: это позволило по-новому осмыслить проблему влияния французского языка на индивидуальный поэтический и прозаический стиль одного из родоначальников нового русского литературного языка – В.А. Жуковского и обнаружить типологические черты франкоязычных поэтических и эпистолярных текстов его ближайших современников. Впервые осуществлен комплексный подход к изучению и сравнительному анализу французско-

русских текстов Жуковского разной жанровой принадлежности: стихотворения, стихотворные послания, проза, драматургия, письма. Впервые определяется место и значение французского языка и литературы в оригинальном, а не переводном творчестве поэта.

Методологическую основу диссертационного исследования составили, во-первых, те историко-литературные труды отечественной науки, в которых конституированы понятия «билингвильность», «диглоссия», «литературный быт» и «домашняя поэзия», занимающие центральное место в данной работе (труды В.Э. Вацура, Б.М. Гаспарова, Р.В. Иезуитовой, Ю.М. Лотмана, Н.И. Михайловой, Ю.Н. Тынянова, Б.А. Успенского, и др.); во-вторых, это исследования, поднимающие проблему функциональности французского языка и литературы в системе русской культуры начала XIX века в теоретическом и историко-литературном аспектах (работы Л.И. Вольперт, М. Дебрэнн, Е.Е. Дмитриевой (Майминой), И.М. Семенко, и др.); в-третьих, исследования поэтики и эстетики русского эпистолярного начала XIX века, рассматривающие письмо как литературный факт огромного значения и дифференцирующие природу русских и французских писем по их формально-содержательному признаку (работы У.М. Тодда III, Н.Л. Степанова, Е.А. Маймина, Я.Л. Левкович, Л.П. Гроссмана и др.).

Целью настоящей работы является описание специфики русско-французской диглоссии в маргинальных жанрах русской литературы первой трети XIX века и следующая из него интерпретация жанрообразующих и смыслопорождающих функций как самой ситуации выбора языка, так и французского субстрата устойчивых образно-стилевых элементов бытового языка русской словесности, имитированного французскими, двуязычными и русскими текстами маргинальных литературных жанров.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

1) выбор французских, русско-французских и русских художественных и эпистолярных текстов, релевантных по признаку диглоссии или функционально значимого иноязычного субстрата;

2) сопоставление русских и французских текстов с точки зрения семантических и жанрообразующих функций основного языка, мотивировок и значимости выбора языка в структурно-смысловом, поэтологическом и культурологическом аспектах смыслопорождения;

3) анализ смыслопорождающих функций французских субстратных элементов в устойчивых оборотах индивидуального литературного стиля как одного из источников жанрового своеобразия, образности, эмфатики и поэтики русскоязычных текстов;

4) установление причинно-следственных связей между характером языковых средств и типологическим своеобразием жанровой структуры текста.

Материалом настоящего исследования является комплекс французских, двуязычных и русских текстов В.А. Жуковского, принадлежащих к области «литературной домашности», а также письма поэта к императрице Александре Федоровне, друзьям и родственникам (М.А. Протасовой-Мойер, А.А. Воейковой, К.К. Зейдлицу, А.С. Пушкину, П.А. Вяземскому, А.И. Тургеневу), в которых в полной мере отразилось двуязычие авторского сознания и образного мышления поэта. В качестве сравнительного материала к исследованию привлекаются также стихотворные и прозаические французские тексты А.А. Плещеева, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее материалов в эдиционной практике: неопубликованные тексты Жуковского, обнаруженные в архиве поэта и впервые введенные в научный оборот, войдут в Полное собрание сочинений и писем В.А. Жуковского в 20 т., издание которого осуществляется коллективом кафедры русской и зарубежной литературы ТГУ, а вновь выполненные переводы французских текстов могут быть учтены и использованы в практике комментария; основные положения и результаты исследования могут быть использованы также при подготовке лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по истории русской литературы и русского литературного языка начала XIX века.

Положения, выносимые на защиту:

1) французские и русско-французские тексты русских писателей начала XIX века являются необходимым этапом в выработке индивидуального поэтического и прозаического стиля и особенностей поэтической образности, формой реализации творческой стратегии в индивидуальном узусе норм литературно-письменного языка;

2) поэтика маргинальных жанров, тесно связанных в своей стилистике с бытовой устной речью, является формой отражения быта; таким образом в профессиональную литературу вводится категория бытописания, а его приемы и речевые маркеры закрепляются в письменной языковой норме;

3) маргинальные жанры, благодаря своей акцентированной билингвильности, экстенсивно расширяют образное поле профессиональной словесности, вводя в него категории быта и повседневности, зафиксированные в имитации устной речи, способствуя тем самым сближению литературы с бытом и подготавливая почву для становления повествовательно-разговорных элементов русского литературного языка;

4) следствием этих стилевых процессов становится модификация лирических и прозаических жанров русской литературы: подспудно накапливая элементы разговорности в лирическом языке и отрабатывая систему повествовательных элементов эпистолярного стиля, домашняя поэзия и эпистолярный первый десятилетий XIX века подготавливают почву для расцвета говорной лирики и повествовательной прозы в 1850-1860-х гг.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации представлены в виде докладов на III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2003); на IV Международной научной конференции «Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты» (Томск, 2004); на IV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2004); на V Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых

ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2005); на IV Международной научно-практической конференции «Прикладная филология и инженерное образование» (Томск, 2006). Основные положения и результаты исследования отражены в 6 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, четырех приложений и списка использованной литературы общим объемом 221 страница. Список использованной литературы включает 205 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, изложены его основные теоретические и историко-литературные предпосылки, терминологически определены его ключевые понятия «билингвильность», «диглоссия» и «маргинальные жанры». Далее, аргументированы актуальность и научная новизна диссертационного сочинения, обозначен объект изучения и методологические основы предпринятого исследования, изложена история вопроса, описана практическая значимость работы, сформулированы ее цели, задачи и положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Диглоссия «домашней» литературы начала XIX века» посвящена выявлению места и значения французского языка и французской литературной традиции в текстах, занимающих пограничное положение между литературой и бытом. Ее задача – показать способы использования возможностей французского языка и достижений французской словесности в оригинальных разножанровых текстах, как правило, имеющих экспериментальный характер. Первая глава включает четыре параграфа.

Параграф 1.1. «Место и значение французских стихов В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова» посвящен рассмотрению функций французских стихотворений в творчестве великих русских поэтов начала XIX века. Французские и русско-французские стихи, входящие в разряд домашней, неофициальной поэзии, никогда серьезно не воспринимались их авторами. «Описание крючка удочки по-русски и по-французски», «Гост»,

«Елена Ивановна Протасова, или Дружба, Нетерпение и Капуста», «Похождение или поход первого апреля (La bonne aventure)», «Максим», «К Букильону» В.А. Жуковского; «Tien et mien», «Твой и мой», «Quand au front du convive», «Лишь розы увядают», «Stances» А.С. Пушкина; «L'attente», «А.А. Углицкой» М.Ю. Лермонтова являются либо подражаниями или ученическими опытами, либо домашними шутками, языковой игрой или двуязычными экспериментами. Такое двуязычие в домашней поэзии наглядно демонстрирует возможности русского и французского языков и систем стихосложения. Экспериментируя с языком и словом, поэты овладевают стилистическими приемами и лексическими средствами оформления данного им языкового материала, используя устную разговорную французскую норму в качестве литературного (в конечном счете письменного) языка. Богатый материал классической французской поэзии, используемый русскими поэтами начала XIX века, овладение техникой и приемами классической французской версификации приводит к постепенной смене подражания языковой игрой, которая воспроизводит эту же ситуацию – имитации устной (французской) разговорной речи в письменном – но уже русском литературном тексте. После этого французский язык появляется в русских стихотворных текстах лишь в виде небольших вставок, призванных привнести в него элемент непринужденной разговорной интонации или иронии, послужить признаком речевой характеристики, наконец, просто стать знаком сословной принадлежности или маркером аристократического образования героя.

В параграфе 1.2. *«Двуязычные послания В.А. Жуковского и А.А. Плещеева как образно-лексическое единство»* рассматриваются способы адаптации образов, стилистических приемов и отдельных языковых единиц впервые вводимого в научный оборот французского послания А.А. Плещеева («Epitre à Joukoffsky», 12 апреля 1812 г.) в ответном русском послании В.А. Жуковского («Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения», 21 апреля 1812 г.). С 1811 по 1814 годы жизнь и творчество Жуковского протекали в почти ежедневном общении с его соседом и родственником, великолепным

дилетантом – писателем и композитором, хозяином имения Чернь Александром Алексеевичем Плещеевым. Творческий диалог осуществлялся на двух языках: русском и французском. Именно двуязычные послания (французские – Плещеева, русские – Жуковского) представляют особый интерес для исследования французского субстрата русских текстов Жуковского, воспроизводящего в русском тексте темы и образы плещеевского французского послания в том же тоне и стиле дружеской «болтовни», в которых выдержано послание его друга. Таким образом, в субстрате оригинального текста Жуковского, который не является целенаправленным переводом, все же оказывается французское стихотворение, определяющее тематику, образность и в значительной мере – речевые обороты русского текста.

В обоих посланиях быт и бытие, этико-философские максимы и повествование о повседневных событиях чередуются: тем самым они уравниваются в языковом, стилевом и эстетическом статусе. К тому времени литературно-языковая традиция уже выработала богатый арсенал средств, характерных для «высокого» книжного языка письменной литературной нормы. Более острой проблемой русской литературы были языковые опции моделирования предметно-бытового мира и имитации устной разговорной речи, что актуализировало разного рода билингвальные салонные языковые игры, в русле поэтики которых и развивалась переписка двух поэтов на двух языках, ставшая лабораторией поэтического стиля «гармонической точности», предшествовавшего идеологеме «поэзии действительности».

Русский и французский язык, служащие в данной паре посланий для описания одних и тех же событий и явлений, очевидно дополняют друг друга. Так, французский язык, более богатый устойчивыми коммуникативными блоками, служит моделью аналогичных русских конструкций. Русский, напротив, предоставляет французскому арсенал новых поэтических ритмов и размеров. Жуковский использует разные стихотворные метры в своих посланиях к Плещееву, поэтому ответные стихи Плещеева ближе к вольному ямбу, чем к александрийскому стиху традиционной французской поэзии.

В параграфе 1.3. «*Драматургические опыты В.А. Жуковского и А.А. Плещеева в аспекте эстетического взаимодействия*» обозначены принципы влияния французской классической школы театрального искусства и итальянской импровизационной комедии масок на творчество В.А. Жуковского и А.А. Плещеева. Драматургическая шутка «Коловратно-курьозная сцена между господином Леандром, Пальясом и важным господином доктором» В.А. Жуковского и комедия в стихах «Одинокий Арлекин» А.А. Плещеева представляют собой диалогическую в эстетическом отношении пару. Драматическая шутка Жуковского является литературной сатирой с элементами полемики только на своем втором плане, по основному замыслу – это типичное домашнее увеселение страстных театралов, сохраняющее в себе типологические черты окказиональной поэзии: легкость, импровизационность, некоторую языковую небрежность, доходящую до гротеска в игровых приемах речепорождения.

Хотя «Коловратно-куриозную сцену...» Жуковского и «Одинокого Арлекина» Плещеева разделяют несколько лет, все же по этим одиночным свидетельствам шуточных драматургических опытов двух поэтов можно судить о типологии плещеевских пьес для домашнего театра и их тесной связи с поэтикой домашней литературы Жуковского: в обоих текстах очевидно каламбурное соединение взаимоисключающих театральных эстетик, традиции высокой классицистической трагедии переплетаются с традицией итальянской фарсовой комедии масок. И в этом соединении несоединимого обнаруживаются элементы общности, казалось бы, невозможной: трагедия классицизма, предполагающая отточенную до механистичности технику актерского искусства, делала исполнителя своего рода марионеткой, куклой, ведомой строгими правилами классицизма – а куклы и марионетки *commedia dell'arte*, напротив, демонстрируют необыкновенную витальность в импровизационном характере народного театра.

Импровизационность итальянской народной комедии масок, соответствующая пониженной облигаторности устной речи сравнительно с

письменным дискурсом, и каламбурный эффект соединения разностильных традиций, определившие поэтику русского и французского драматургических опытов Жуковского и Плещеева, по своей эстетической функциональности корреспондируют с ситуацией двуязычия: оба эти приема выявляют общность под покровом разности. Таким образом, французские пьески Плещеева для его домашнего театра, стимулировавшие аналогичный литературный опыт Жуковского, явились своеобразной структурной разновидностью ситуации билингвизма, дифференцирующей речевую деятельность в России первой трети XX века на высокий письменный литературный (русский) и низкий устный бытовой (французский) варианты. Соответственно, перемена позиций языка оказалась чревата и обменом сопутствующих признаков: поднимаясь до литературы, устный французский язык приносил в нее разговорную интонацию и импровизационность устной речи; спускаясь в быт, письменный русский язык обретал раскрепощенность от литературной стилевой нормы.

Параграф 1.4. «*Литературные упражнения в Черни*» В.А. Жуковского как инструмент выработки индивидуальной творческой стратегии» посвящен раскрытию роли цикла французских прозаических текстов Жуковского, написанных для заседаний шуточной черненской академии, в дальнейшем творчестве поэта. Кружок Жуковского-Плещеева, или, по самоназванию, «*Académie des curieux impertinants*» («Академия нахально любопытных»), является примером типичного дружеского литературного объединения XIX века, культивировавшего «домашние» формы поэзии, которые при желании могли из бытовой обстановки переместиться и в «большую» литературу – но осуществлял свою деятельность исключительно на французском языке. При всей своей шуточно-развлекательной видимости мероприятие имело очевидный характер жанрово-языкового эксперимента. Вопросы, поднимавшиеся на заседаниях академии, как и зафиксированные в протоколах этих заседаний речи, имели преимущественно метафизический характер и касались вечных тем любви, семейного счастья, самопожертвования; ответы же изобиловали игровыми приемами речи, среди которых главное место

принадлежит каламбуру и обыгрыванию полисемии, омофонии и омоформ. Таким образом, деятельность черненской академии, при всем своем монопольном облике, стала своего рода содержательной диглоссией: быт и бытие: языковая игра, бытовые детали, факты повседневности и шуточные замечания соседствуют с размышлениями на серьезные философские темы. Поиск индивидуального стиля здесь очевидно опосредован мощным абстрактно-понятийным категориальным аппаратом французского языка с его устойчивыми жанрово-стилевыми единствами. Такого рода «домашние», кружковые тексты наглядно демонстрируют пути овладения различными приемами устной французской речи с установкой на их адаптацию русской языковой литературной нормой с последующей моделирующей функцией литературного языка для разговорной речи.

Вторая глава диссертационного исследования, **«Диглоссия эпистолярная начала XIX века»**, посвящена определению места и значения французского языка в эпистолярном общении и включает в себя три параграфа.

В параграфе 2.1. **«Функции русского и французского языков в эпистолярном общении»** ставится вопрос о принципах и основаниях выбора языка для эпистолярных обменов. Эпистолярное наследие Жуковского предлагает исследователю русского билингвизма в сфере эпистолярного общения полный спектр всех возможных вариантов: некоторым своим адресатам (П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, П.А. Плетнев) Жуковский писал только по-русски, некоторым – только по-французски (А. Мальтиц, К. Моргенштерн, Фридрих-Вильгельм IV), но наиболее интересен тот случай, когда эпистолярное общение Жуковского с кем-то из его корреспондентов было двуязычным – и основания выбора языка особенно наглядны в двуязычной переписке Жуковского с императрицей Александрой Федоровной.

Области применения русского и французского языков разграничиваются личным отношением пишущего к событию. Выбирая русский язык, поэт маркирует свою личную включенность в эпистолярный сюжет и ту тематически-событийную парадигму, которая организует данный

коммуникативный акт. Французский язык, в силу своей стандартизованности и жестко-иерархической этикетности создает, напротив, позицию некоторого эмоционального отстранения и официальности. Если письмо посвящено глубоко эмоционально насыщенным эпизодам личной жизни самого поэта (например, смерть М. Протасовой и А. Воейковой, разлад с императорской семьей, долгожданное рождение дочери), он предпочитает французский язык, не обязывающий венценосного адресата к аналогичным чувствам; русский язык, как маркер эмоционального резонанса адресанта, избирается в ситуациях, предполагающих выражение сопереживания в аналогичных обстоятельствах жизни Александры Федоровны (смерть дочери императора и императрицы). Письмо на русском языке, в силу отсутствия русского эпистолярного языкового этикета, по определению не могло быть клишированным и похожим на другие письма: поэтому русское письмо было более личным, интимным и искренним.

Французский же язык, обладающий арсеналом устойчивых фраз и речевых оборотов, оказывался оптимально соответствующим тем случаям, когда содержанием письма становилось или абсолютно нейтральное событие, или, напротив, острое личное эмоциональное переживание. Новость, не требующая душевного участия, сообщалась Александре Федоровне по-французски, и сообщалась она в этом случае от лица подданного. А для глубоко личных переживаний радости или горя язык, в котором уже есть этикетные формулы их выражения, очень часто становился своего рода эмоциональным фильтром, в котором Жуковский не нуждался в своем общении с близкими друзьями, но который был необходим в общении с царственной особой – даже для поэта, чьи контакты с членами императорской семьи были намного менее формализованными, чем у обычных подданных.

Жуковский позволял себе небольшие пассажи на французском языке или отдельные французские вкрапления в русском тексте даже к тем адресатам, к которым он писал исключительно по-русски (например, А.С. Пушкин, А.И. Тургенев, П.А. Вяземский). Однако такие вставки на французском языке характерны только для начального периода творчества поэта (приблизительно

до 1814-1815 гг.). Часто французский язык в русских письмах Жуковского служит для выражения абстрактных понятий или мыслей: именно такой характер метафизической спекуляции имеют французские вставки в русских письмах к его племянницам: М.А. Протасовой и А.А. Воейковой. Предпочитая французский язык для выражения итогов своих мыслей и этико-философских взглядов, Жуковский переходит на него и в тех ситуациях, когда его мнение может показаться резким и неприятным для адресата. Таким образом он нейтрализует отрицательную оценочную номинацию описываемого человека или явления. Собственные французские вставки Жуковского весьма немногочисленны, незначительны по объему и появляются в письмах к разным адресатам лишь в начале творческого пути поэта. Это, в основном, эпистолярные и разговорные клише, литературные цитаты или цитирование чужой французской речи.

Выбирая тот или иной язык, автор письма не руководствуется четкими правилами и не следует какой-то определенной эпистолярной традиции. Для каждой отдельной ситуации переписки Жуковского существуют свои особые причины и предпосылки употребления либо русского, либо французского языков. Письмо, написанное по-русски, проигрывает французскому в светской легкости и литературности, ассоциативной текстам французской словесности. И наоборот, французское письмо неприемлемо для дружеской переписки и выражения искренних дружеских чувств, так как его готовые речевые обороты и устойчивые этикетные формулы ассоциативно дистанцируют адресата и придают всей переписке тон безличной любезности.

В параграфе 2.2. *«Французское письмо как этап работы над русским эпистолярным текстом»* проанализированы французские эпистолярные тексты В.А. Жуковского, являющиеся переходным этапом в создании русского текста: это или французский черновик последующего русского текста или письма, написанные по одному и тому же поводу, но на разных языках. Так же, как в случае с парными двуязычными стихами, в которых поэт апробирует возможности каждого из языков, Жуковский и в переписке иногда пользуется

двумя языками для выражения одного и того же сюжетно-тематического и эмоционального комплекса. В этой связи особого внимания заслуживают письма поэта императрице Александре Федоровне, написанные на разных языках, но имеющие единую тему и повод для написания. 13 июня 1826 года Жуковский пишет Александре Федоровне из Эмса французское письмо, посвященное полученному им известию о смерти Н.М. Карамзина; на следующий день, 14 июня, это же содержание оформляется в письме, написанном по-русски, а 15 июня поэт вновь возвращается к французскому варианту письма, поправляя его стилистически, вычеркивая некоторые фрагменты, но сохраняя тот же композиционный принцип. Очевидно, что в данном случае выбор языка обращения явился сознательно рефлектируемой проблемой.

Повод к написанию этого письма, несомненно, был особенно важен для Жуковского: колебание в выборе языка и избыточная стилистическая правка, вызванные именно им, очевидны в двух французских текстах. Вероятно, первый французский и второй русский варианты письма, оставшиеся в архиве Жуковского, стали своего рода черновыми эскизами для отправленного адресату третьего, французского варианта письма: такое предположение позволяет высказать факт публикации этого третьего текста в сборнике «Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя». Но в любом случае французский язык, язык этикетного общения, стал основой для его промежуточной русской редакции.

В своей эпистолярной практике Жуковский часто просто переводит на русский язык или переделывает ранее написанный им французский текст. Это свидетельствует о том, что в данном случае эпистолярная мысль поэта находит свое первоначальное выражение по-французски. Опыт же создания русской редакции письма свидетельствует о том, что кроме проблемы выбора формы обращения Жуковский в данном случае преследует и цель поиска (или создания) русских эквивалентов для устойчивых этикетных формул: они становятся неявным реконструируемым субстратом оборотов русской речи,

нередко впервые вводимых Жуковским в эпистолярный стиль русской словесности.

В эпистолярном наследии Жуковского достаточно частотны билингвиальные вариации одного и того же смысла, первый текстовый вариант которого может быть как французским, так и русским. Именно такова история знаменитого рассуждения поэта о воспоминании, которое он сам именовал «философией фонаря». Ее первая формулировка на русском языке в письмах-дневниках 1815 г. отсылает к некоему изначальному прототексту («Я когда-то написал: счастье не состоит из удовольствий простых, но из удовольствий с воспоминаниями»), полный источник которого не обнаружен; в 1819 г. это же самое рассуждение на русском языке перенесено в альбом, подаренный гр. С.А. Самойловой; в неопубликованном черновике письма 1821 г. к неустановленному лицу, которым, скорее всего, могла быть императрица Александра Федоровна, это рассуждение практически полностью переложено на французский язык: поэт не просто формулирует итог своих давних размышлений сначала на русском, а затем на французском языке; он именно переводит свои мысли с одного языка на другой. Характерно, что в этом двуязычном мероприятии меняются позиции русского и французского языков – и теперь уже второй начинает служить инструментом перевыражения смыслов и образов первого. В сопоставлении с русским текстом дневниковых записей фразеология «философии фонаря», изложенная на французском языке в черновом письме 1821 г., изобилует риторическими фигурами французской литературной прозы: сравнениями, метафорами и антитезами. Этико-философский пафос жизнестроительства, обретая свою французскую вербализацию, свидетельствует об ассоциативной оглядке Жуковского на стиль французских моралистов, в трудах которых русский поэт был весьма основательно начитан.

Параграф 2.3. «Французский субстрат русских эпистолярных текстов» призван продемонстрировать глубину проникновения образности стилизованных конструкций и устойчивых речевых оборотов французского языка в

творческое сознание русского поэта, отраженное его эпистолярными текстами. Иногда русское письмо, не имеющее прямого французского источника или французских вкраплений, представляет собой яркий пример диглоссии, поскольку представляется своеобразным переводом некоего текста, существующего лишь в творческом сознании его автора. Обилие галлицизмов и типичных речевых конструкций французского языка в этих случаях позволяют предположить, что процесс создания данного русского текста представлял собой перевод изначально оформившейся во французских вербальных конструкциях мысли. Подобный французский субстрат русских писем Жуковского очевиден в транслитерациях или кальках с французского языка писем к М.А. Протасовой, сохраняющих таким образом следы этикетной ситуации эпистолярного обращения к любимой женщине на галантном и утонченном языке высокоразвитой культуры словесного любовного дискурса.

В переписке с друзьями (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский) Жуковский также употребляет французские конструкции, которые, впрочем, появляются лишь в тех письмах, в которых автор не стремится выполнить некое литературное задание. Например, в дружеских письмах периода арзамасского братства, отмеченных напряженностью эстетической проблематики в своей формальной и содержательной связи с национальным литературным процессом, Жуковский не допускает употребления галлицизмов. В письмах тем же самым адресатам, когда их более житейские и бытовые сюжеты не связаны литературным заданием и тематикой, нередко появляются речевые обороты и синтаксические конструкции, образованные по канонам французского языка, в том числе и многочисленные кальки. Если ситуация не требует литературной обработки письма, в двуязычном сознании его автора всплывает нужная формулировка или конструкция, характерная для французской эпистолярной и литературной традиции, которую автор затем переводит или перекладывает на русский язык.

Помимо небольших фрагментов русских писем, выстроенных по канонам французского языка и функционирующих, в основном, в качестве

эпистолярных клише или устойчивых оборотов романтической фразеологии, у Жуковского встречаются письма, являющиеся практически целиком своеобразным переводом некоего несуществующего французского эпистолярного текста. Такой метаперевод (определение Е.Г. Эткинда) текста, присутствующего лишь в творческом сознании поэта, является обычной ситуацией в эпоху параллельного функционирования двух языков в одном обществе. Создавая письменный текст на русском языке, нередко его автор, владеющий в равной степени двумя языками, замышляет его сначала по-французски, переводя в конечном итоге оригинал, существующий лишь в его двуязычном сознании, на русский язык. В эпистолярном наследии В.А. Жуковского примером таких писем, в которых французский язык является субстратом смыслопорождения и речевых формул, являются письма Жуковского к Александре Федоровне из первого заграничного путешествия, из состава которых впоследствии выделились известные эстетические манифесты поэта: «Рафаэлева Мадонна» и «Путешествие по Саксонской Швейцарии».

Феномен метаперевода, который в бытовых текстах и на уровне бытового устного общения являлся неизбежным следствием русско-французского билингвизма, поскольку любой акт устного или письменного рече- и смыслопорождения на любом из этих языков имел оттенок мысленной ориентации на параллельный альтернативный словесно-синтаксический и образный ряд, заслуживает особенного внимания: он не только был отрефлектирован русской литературой, но и обрел в ней статус сюжетного мотива и характерологической категории в одном из самых ярких явлений литературного метаперевода – «Письме Татьяны к Онегину» из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», репрезентированном как перевод автора с несуществующего оригинала. В этом стихотворном тексте не только русские речевые обороты легко ложатся на устойчивые словесные конструкции французского языка: система его образов и повествовательных приемов восходит к многочисленным поэтическим штампам французской лирики и риторическим оборотам этикетной французской эпистолярной речи.

Использование же французского языка в эпистолярном тексте неминуемо влекло за собой бессознательные или осознанные реминисценции, восходящие к французской литературной традиции – естественным образом они представляли собой репрезентативные штампы популярной среди русских читателей текстов французской словесности. Пушкин, соткав письмо своей героини из переведенных на русский язык, но хорошо узнаваемых в этом переводе фразеологических клише и реминисценций из тех произведений французской словесности, которые могла бы читать деревенская девушка (например, «Новая Элоиза» Руссо, элегия Марселины Деборд-Вальмор), не только воспроизвел образ билингвального и поликультурного массового сознания своей эпохи, но и создал в тексте письма Татьяны его эстетический концепт.

«Письмо Татьяны к Онегину» Пушкина, «Путешествие по Саксонской Швейцарии» и «Рафаэлева Мадонна» Жуковского являются наиболее эстетически насыщенными метапереводами не только в силу эстетического совершенства этих текстов, но и в силу наглядной очевидности психолингвистических аспектов своей поэтики. В коммуникативной ситуации, которая одновременно требовала и исключала французский язык как форму общения (например, русский текст романа в стихах Пушкина или должность учителя русского языка Жуковского), диалог естественно становится билингвальным: в творческом сознании автора такого текста автоматически всплывают штампы и конструкции французского языка, которые он непроизвольно перекладывает на русский язык, делая, таким образом, очевидной субстратную функцию французского в процессе русского речепорождения.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

1) Русско-французская диглоссия начала XIX века, оставившая свой след в текстах, принадлежащих к разряду «домашней» литературы и в эпистолярных массивах письменного наследия русской словесности, явилась уникальным фоном, на котором осуществлялось развитие и становление норм

письменного литературного русского языка. В творчестве писателей первого ряда, поднявших русский язык и литературу до общеевропейского культурного уровня, осуществляется интенсивный поиск новых способов выражения и новых жанровых форм, сближающих письменную и устную языковую традицию. При этом маргинальные жанры, опирающиеся на устную речь, становятся тем полем, на котором достижения устной речи становятся письменным фактом, а быт и литература обретают возможности и способность взаимовыражения через систему жанрово-стилевых категорий.

2) В жанрах «домашней» литературы французский язык, как разговорный язык русской образованной элиты, является необходимым средством и материалом в выработке индивидуального авторского стиля. Процесс создания новой стилистики русского литературного языка, опирающейся на французскую языковую традицию, наиболее адекватно выразился в диглоссии маргинальных жанров, в которых языковые и стилевые эксперименты стали творческой стратегией.

3) Понятие «диглоссия» в данном случае превышает рамки понятия «билингвизм», поскольку оно характеризует собой не просто факт реального бытового двуязычия: это очевидная формально-содержательная категория русского литературного процесса на его периферии, где и позиционированы маргинальные жанры, исследование которых раскрывает механизмы становления литературной нормы национального письменного языка в характернейшей для русской культуры нового времени ситуации своеобразной «очной ставки» своего и чужого, актуализирующей оба элемента этой антонимической пары.

Работа завершается изложением перспектив дальнейшего изучения поставленной проблемы:

1. Очевидно перспективным является дальнейшее изучение бытования устойчивых формул французского языка в текстах русской литературы. Далеко не все клишированные речевые обороты, синтаксические конструкции и разного рода кальки с французского языка органично вошли в русское языковое

сознание, как, например, анаколуфы: случаи галлицизмов подобного рода в текстах русских писателей XIX единичны, а в дальнейшем они вообще исключаются из русского словоупотребления и становятся объектом пародии.

2. Изучение пародий на двуязычие начала XIX века представляется одним из самых перспективных направлений дальнейшей работы в силу свойственного пародии познавательного потенциала. В силу смены иерархической позиции французского языка как формы коммуникации образованной элиты, которая к середине XIX века получила в свое распоряжение литературный русский язык, на котором «говорят как пишут», и перехода его к демократическим слоям общества, стремящимся копировать поведение дворянской элиты, его употребление приобрело именно пародийно-избыточный характер, обнаруживающий механизмы преодоления билингвильности и переход диглоссии из языковой формально-содержательной области на содержательные конструктивно-поэтологические уровни.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Вяткина И.А. Французский язык как субстрат смыслопорождения в творчестве Жуковского // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. науч. тр. IV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск: Изд-во ООО «РауШ мбХ», 2004. – С. 198-203.

2. Вяткина И.А. Диглоссия домашней литературы: диалог двух поэтов на двух языках (В.А. Жуковский и А.А. Плещеев) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. статей V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: Изд-во ТПУ, 2005. – Часть 2. – С. 8-14.

3. Вяткина И.А. Драматургические опыты В.А. Жуковского и А.А. Плещеева: к вопросу о межкультурных и межъязыковых влияниях // Прикладная филология и инженерное образование: Сб. науч. тр. IV

Международной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во ТПУ, 2006. – Часть 2. – С. 263-271.

4. Вяткина И.А. Диглоссия русской литературы начала XIX века // Прикладная филология и инженерное образование: Сб. статей III Международной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во ТПУ, 2006. – С. 240-247.

5. Вяткина И.А. Французские стихи русских поэтов как экспериментальное поле русской версификации и поэтического словообразования // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации «Актуальные проблемы литературоведения: теоретические и прикладные аспекты». – 2006. – №110. – Декабрь. – С. 24-29.

6. Вяткина И.А., Лебедева О.Б. Диглоссия эпистолярия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – №294. – Январь. – С. 7-10.